

ИВЕРСКИЙ ЛИСТОК

По благословению
митрополита Нижегородского
и Арзамасского Георгия

Издание Иверского женского монастыря г. Выкса, Выксунская и Павловская епархия

№ 12 (113)
Декабрь 2017 г.

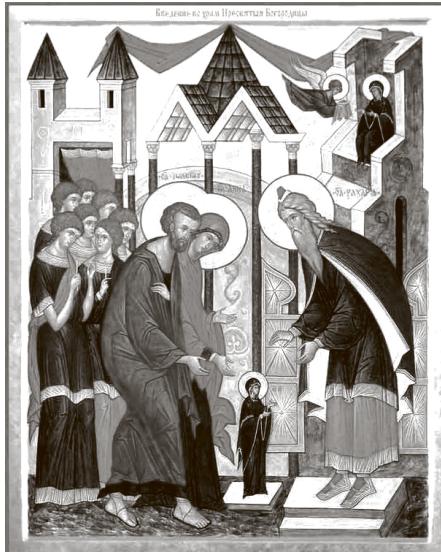

Митрополит Филарет (Вознесенский)

♦ 4 декабря — Введение во храм Пресвятой
Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии

«ДНЕСЬ СВЯТАЯ СВЯТЫХ РАДУЮТСЯ»

«Днесъ Боговместимый храм, Богородица, в храм Господень приводится, и Захария Сию приемлет; днесъ Святая Святых радуются». Только что мы с вами слышали, как пелись эти слова, в которых Церковь описывает то торжественное событие, которое вспоминается в сегодняшнем великом празднике. «Днесъ Святая Святых радуются» — говорит Церковь. А мы с вами знаем, что в акафисте Божьей Матери, в одном из ублажений Ее, мы так и говорим: «Радуйся, Святая Святых большая», т.е., радуйся Ты, Которая больше, чем Святая Святых! История праздника нам говорит о том, как благочестивые родители Иоаким и Анна трехлетнюю маленькую Девочку Марию, по обещанию, по обету своему, привели в храм Божий, чтобы там посвятить Ее Богу. Как Ее сопровождали девы со свечами, и когда они наконец входили в храм Божий, то сам Захария первосвященник вышел навстречу Ей. И как повествует предание, Она, еще совсем маленькая, трехлетняя, совершенно свободно, по многим ступенькам поднялась к нему; и он, под воздействием Духа Святого, сделал то, что никогда бы не сделал в другое время, ибо ввел Ее во Святая Святых, в то помещение, в котором таинственно во мраке обитал Сам Господь; куда не вступала никогда человеческая нога; не только простолюдины, но и священники туда никогда не входили, а только один день был в году, когда имел право туда войти, с каждением и с молитвой, сам первосвященник. Один день в году! Но это был не тот день. Однако, по внушиению Святого Духа, праведный Захария трехлетнюю Крошку вводит во Святая Святых, чтобы Она там воспиталась. В другой церковной молитве говорится: «яко освящена». И говорит церковное предание о том, что Она бывала часто во Святая Святых;

о том, что Ангелы там Ей являлись; Архангел Гавриил Ей являлся, пищу Ей приносил.

По преданию, после Введения в храм Она при храме постоянно и жила. Там Она молилась, там трудилась, была во Святая Святых, и, как уже сказано, ангелы Ей там пищу приносили.

Как относимся к Божьему храму мы? Для христианина Божий храм должен быть таким, каким он был в древности для псалмопевца, который писал: «Возвеселился о рекших мне: в дом Господень пойдем!» Т.е., я возвеселился, услышавши, как мне сказали: пойдем в дом Господень! Так ли бывает у нас, ценим ли мы Божий храм? Любим ли мы Божий храм? Стремимся ли мы в него всякий раз, как только это возможно для нас? Может быть, преодолеваем какие-либо препятствия? Сами вы знаете, что далеко-далеко не всегда бывает так. В частности, вот привели Пречистую Деву Марию, маленькой девочкой привели в храм; храм для Нее стал родным. Она в нем жила, около него всегда пребывала. А к сожалению, бывает часто так, что наши дети редко, редко видят Божий храм... Благословенно то дитя, кото-

рое благочестивые родители постоянно водят в храм! То, что ребенок в храме получает в благодатной, светлой, освящающей, духовной атмосфере храма, — это такая драгоценность, равной которой нет! То, чем запасется молодая душа в эти нежные детские годы, это будет ее сокровище, ее духовный капитал и лучшее противоядие против той пошлости и грязи житейской, с которой она скоро столкнется. И, о если бы действительно так бывало, чтобы наши святые храмы всегда были бы наполнены детьми! Но и сами вы видите постоянно, что совсем не так бывает и даже тогда, когда великие праздники. Например, в храме довольно много народа, а детей мало совсем.

Вот об этом надлежит подумать всем, не только родителям, но и воспитателям, преподавателям, христианам — всем подумать о том, чтобы дать возможность молодой, едва только распускающейся, расцветающей душе запасаться в Божьем храме этим духовным капиталом. Чтобы человек в свое время мог его использовать и чтобы это было бы его духовным богатством, не только в сей жизни, но и в будущей. Думать и стараться о том, чтобы дети наши действительно приводились бы в храм почаше, чтобы полюбили храм и постоянно стремились бы в нем бывать. Раньше бывали, и теперь есть такие семьи, где малые дети настолько любят храм Божий, не тяготясь его службами, что не родители их, а они родителей ведут в храм — «Поскорее, поскорей!» Благословенна та семья, в которой так дело обстоит. Подумаем же об этом, возлюбленные братия, позаботимся, чтобы дети наши вырастали христианами, верными чадами Православной Церкви и любили Божий храм с его благоговейной и молитвенной атмосферой. Аминь.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Эта икона Божией Матери «Казанская» со странной полустёршейся надписью латиницей на обороте: «Eta ikona budet hranit was wsu schizn» украшает Скорбященскую церковь в Санкт-Петербурге. Одна из прихожанок рассказала её удивительную историю.

— Однажды в храм вошла старая женщина и всплеснула руками, увидев Казанскую икону Богородицы. — «Как эта икона попала к вам? Я же подарила её одному немецкому солдату! — удивилась она. — Я узнала её по характерным вмятикам на окладе». Я пояснила, что икону несколько лет назад передало храму немецкое консульство, находящееся в нашем городе. Женщина расплакалась, сказала, что её зовут Вера, и поведала, как в своё время православная святыня их семьи оказалась в Германии.

«Я бежала из родного села, оказавшегося в самом центре боёв. Хотела уехать с сестрой и своими тремя ребятишками ещё раньше, но мама тяжело болела и не вынесла бы дороги. «Приеду позже», — пообещала я сестре, отправляя её с детьми под Рязань, где в колхозном посёлке жила наша тётка. Через месяц мама умерла, успев благословить меня фамильной иконой Божией Матери «Казанская». Этой иконой покойный дед благословлял в своё время маму перед свадьбой, а мама 15 лет назад благословила нас с Сашей, хотя муж мой был комсомольцем. Теперь икона лежала в моём тощем вешевом мешке беженки. А сама я сидела под навесом одного из станционных пакгаузов и следила за безумным танцем снежных вихрей. Думать уже ни о чём не могла, лишь пыталась глубже затолкать кисти рук в узкие рукава демисезонного пальто. Холод и голод — вот всё, что я чувствовала. Тут, громыхая, подкатил состав, двери вагонов открылись, и фрицы, встав шеренгами, стали передавать друг другу длинные ящики. «Оружие привезли» — мелькнула равнодушная мысль. Но другая тотчас сильно уколола: «На фронт! Туда, где воюет мой Саша! Из этих автоматов будут стрелять в него, в других русских солдат... Вот проклятые!»

Удивительно, но немецкие патрули не обращали внимания на меня — однокую отощавшую от голода женщину. Не помню даже, когда я последний раз ела: часики, обручальное кольцо, мамины серёжки я давно уже обменяла на еду. Я нащупала под заиндевелой тканью мешка латунный оклад. «Заступница Пресвятая Богородица! — зашептала окоченевшими губами. — Спаси и сохрани моих детушек, сестру Надю. Сохрани и защити моего мужа, раба Божия воина Александра».

«Что? Плётко?» — раздалось над са-

мым ухом. Поднимаю голову: рядом со скамьёй стоит немецкий солдат. В его голосе прозвучало сочувствие, и я ответила: «Плохо». Немец сел рядом. Поставил на землю толстый ранец, некоторое время копался в нём, потом протянул руку: «Nimmt!» Это был квадратный ломоть хлеба, на котором розовела полоска сала. Я приняла угощение и впилась в него зубами. Немец достал из ранца термос, налил в крышку дымящийся чай: «Heiss! Gut!» Наверное, он был в карауле здесь, на станции. На вид лет двадцать, голубоглазый. Лицо простоватое. И волосы наверняка светлые, как у моего старшего сына Андрейки, только не видно их под шапкой.

Немец указал рукой на паровоз, потом на меня и, смешно сморщившись, видимо пытаясь найти слово, спросил: «Тальеко?» — «Далеко! Теперь уже не добраться!» Я вдруг стала рассказывать ему, что надеялась добраться до тётки и как осталась безо всего. И заключила: «А у меня там дети. Киндер. Понимаешь?» Я показала рукой сверху вниз — мал мала меньше. Парень кивнул: «О ja, Kinder!» — «Но мне не доехать. И не дойти. Я просто замёрзну». Я даже не сразу осознала, что плачу. Немец опять потянулся к ранцу и вытащил увесистый пакет: «На. Взять». Он открыл пакет и, тронув его содержимое, лизнул палец: «Gut!» В пакете была соль. Соль, которая сейчас стоила дороже золота. За соль давали хлеб, молоко, да что угодно... В пакете было не меньше трёх килограммов. А он теперь так вот просто взял и отдал её мне, совсем незнакомой русской женщине. Увидав мое ошеломленное лицо, парень улыбнулся и что-то сказал. Я не поняла. Тогда он встал, завинтил свой термос, сунул в ранец и, помахав рукой, пошёл прочь.

«Постойте! — бросаюсь за солдатом вдогонку. — Вот, возмите, пожалуйста». Протягиваю ему икону. «Was ist es?» — «Эта икона будет хранить вас всю жизнь», — говорю твёрдо. Он не понял. Снова повторяю: «Эта икона будет хранить вас всю жизнь». Солдат достал из кармана химический карандаш, послюнил и, перевернув доску, попросил произнести ещё раз. И пока я медленно, по слогам, говорила, он выводил на доске латинскими буквами: «Eta ikona budet hranit was wsu schizn». Больше мы никогда не встречались... А я, выменяв на соль тёплую одежду,

валенки и хлеб, добралась до Рязани. В сорок пятом вернулся с войны муж Саша.

Внимательно выслушав взволнованную женщину, я с радостью пересказала то, что мы узнали от представителей немецкого посольства, передавшего Казанскую икону нашему храму. Тот немецкий солдат прошёл всю войну. У него на глазах погибли его товарищи, однажды взорвался грузовик, в котором он ехал, но он успел выскочить за мгновение до взрыва. Остальные погибли. В конце войны снаряд ударили в блиндаж, который он покинул также за одно мгновение. Незримая сила русской иконы надёжно хранила его. И тогда он многое понял и переоценил в своей жизни, и его душа раскрылась для молитвы. Он вернулся домой, женился, вырастил детей. Икону поместили в красивом киоте на почётном месте и всю жизнь перед нею молился. А когда стал стар, наказал старшему сыну после своей смерти отнести дар русской женщины в российское консульство: «Эта икона жила в России и должна туда вернуться. Пусть передадут её в Ленинград, город, выстоявший в блокаду, умиравший от холода и голода, но не сдавшийся».

Так в середине девяностых годов в одной из вновь открывшихся церквей Санкт-Петербурга, где настоятелем тогда был протоиерей Александр Чистяков, появилась небольшая икона Божией Матери «Казанская» со странной латинской надписью на обороте.

ДУХОВНЫЙ БИСЕР

Родители, воспитатели, родственники детей пусть чаще и неотменно во все воскресные и праздничные дни водят или посыпают их в храм на общественную молитву...

В храме они будут часто слышать имя Господне; научатся великим истинам творения мира и человека, познают Спасителя, Божию Матерь, узнают имена святых, о воскресении мертвых, будущем суде, о будущей жизни и о вечных муках грешников и научатся от Духа Божия быть добрыми христианами, а это всего дороже на свете. Аминь.

Св. праведный
Иоанн Кронштадтский

«ДЕЛО О ЧУДЕСНЫХ ИСЦЕЛЕНИЯХ ОТ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИВЕРСКАЯ»

История девятнадцатая

В том же году чудодейственною помощью Царицы Небесной избавился от недуга крестьянин деревни Черной Владимирской области Меленковского уезда Яков Анисимов Брусникин, страдавший запоем, доводившим его в последнее время до безумия. Но в минуты сознания больной ходил в монастырь и обращался с молитвой к Матери Божией Иверской помочь ему, погибающему, а потом вновь предавался запою. «Отрезвившись однажды, — рассказывал Брусникин, — я отправился в монастырь помолиться, подхожу приложиться к иконе Божией Матери и к ужасу своему вижу, что Царица Небесная меня не допускает, и отворачивает от меня многогрешного Свой Пречистый лик. Я упал тут же и со слезами молил Царицу Небесную, чтобы она простила меня и помогла мне. Я решился говеть

и потом сподобился приобщиться Святых Тайн Божиих. После этого я постепенно избавился от пагубной привычки, и вот теперь уже девять лет прошло как не беру в рот ни капли водки. По неграмотности Брусникина и по его просьбе удостоверяет своею подписью крестьянка той же деревни Мария Евграфова Скоробогатова.

История двадцатая

Около того же времени подобно Брусникину чудом милости Царицы Небесной был исцелен от запоя крестьянин той же деревни Иван Андреев Большаков. Свидетельствует подписью Мария Евграфова Скоробогатова.

История двадцать первая

1888 года крестьянин Нижегородской губернии Ардатовского уезда

села Кулебаки, по ремеслу кузнец, Федор Григорьев Горбунов 49 лет от роду в течении долгого времени страдал запоем и, дошедший почти до беспамятства, так же исцелен был от этого недуга милостью Богородицы Матери Иверской, и, по выражению его, «укрепился, стал здоров и спокоен.» Собственноручною подписью свидетельствует Федор Григорьев Горбунов.

История двадцать вторая

1889 года по совету крестьянина Федора Григорьева Горбунова исцелен был от такого же порока Царица Небесной односелец его Алексей Иванов Кузнецов, по неграмотности которого и личной просьбе удостоверяет Федор Григорьев Горбунов.

Материал подготовила
краевед Ольга Грачева

ИЗ ПИСЕМ ИГУМЕНИИ

В истории Выксунского Иверского женского монастыря есть скорбная дата — 26 декабря 1937 года. Именно в этот день восемьдесят лет назад была расстреляна последняя игумения обители монахиня Маргарита (Петрова), обвиненная в контрреволюционном заговоре, но до конца оставшаяся верной монашеским обетам. В Центральном Архиве Нижегородской области хранятся несколько писем матушки Маргариты, и мы предлагаем вам прочесть одно из них, адресованное правящему Архиерею Нижегородской Епархии епископу Евгению от октября 1921 года:

Ваше Высокопреосвященство
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Много было пережито за это время, много переболела душа за родную обитель и за дорогих моих сестер. Теперь милостию Божию я опять вошла во все свои права правления вверенной мне обителью, это прямо чудо за св. молитвы приснопамятного нашего Старца. Те люди, которые так злостно пострадались меня гнать, теперь пригласили и просили снова принять правление обителью, так как они не в силах справиться с этим. Эта весть так обрадовала моих дорогих сестер, что этот день был для них днем радости. Помещения я теперь получила очень приличные и думаю, что милостию Божию разбитая наша жизнь наладится опять.

Владыко Святый, смею Вам сказать, что как-то особенно покойно взирала я на разбушевавшиеся волны грозной бури революции, всецело предавая себя и обитель воли Божией, всегда

ждала и подготавливала сестер к этому, говоря им, что мы не исключение и должны быть готовы теперь на все.

Служба в храмах Божиих совершается все так же, трапеза все так же — вместе обед и ужин, сестры все занимаются по мастерским, а совхоз пока остается, как контроль над нами, это нам безразлично, только опять главное правление в наших руках. Вот все, что хотелось мне вам передать, Владыко Святый, усердно прося св. молитв Ваших на помощь себе и вверенной Вами мне дорогой обители. Не оставьте, Владыко Святый, Вашей Архипастырской отеческой милостью и поддержите меня иногда Вашими мудрыми советами.

Вашего Высокопреосвященства
низайшая послушница
Игумения Маргарита.
11 октября 1921 года.

Материал подготовила
краевед Ольга Грачева

Детская страничка

А. Алексеева

Давным-давно... Нет, не так! Жила-была... Нет, жил-был ворон... Нет, всё-таки, кажется, ворона... Слушай, не вертись! Дай вспомнить!. Или всё же ворон?. Ты ещё долго будешь мне мешать?! Я говорю, ворона — значит, Во-РО-НА! И всё! И не перебивай, а то снова всё забуду. Э.. значит, так... о чём это мы говорили? Ах да, ворона! Что дальше, что дальше? Не знаю! Просто жила ворона. Чёрная такая или серая, не помню точно. Где, где жила? Известное дело, в лесу, где ж живут вороны-то! В городе, говоришь, тоже живут? Ну да, живут... Может, и эта в городе жила... или в деревне... Ты меня, милок, не запутывай! Она жила в лесу, и точка, а в деревню по делам прилетала. Пропитание себе добывала. То в избу залетит, что-то вкусненькое со стола стащит, то у детворы какую-нибудь безделушку украдёт, а то и просто на помойке промышляет. Такая вот ворона была — совсем обыкновенная. Жила себе, не тужила. Летала себе, летала. И вот однажды, притомившись, села на ветку и задремала. И приснилось ей, что собралось великое множество ворон со всего свету. Сели кружком и слушают. А она, ворона, песни поёт. Одну за другой.

А гости иностранные головы набочок склонили, слушают внимательно. А как закончит ворона свою песню распевать, они крыльями хлопают, клювы раскрывают: «Брр-рр-аво-о! Бис!» — кричат. («Бис» — это значит: мол, спой ещё разок, милая.) Так сладко вороне спалось, так чудно снилось, что она чуть с ветки не свалилась. Хорошо, Господь позаботился: воронам крылья дал, а то сон этот у неё последним был бы, это уж как пить дать. Так, значит, проснулась наша певунья, по сторонам огляделась: не видал ли кто её неловкости. Крылья расправила, отряхнулась. И тут... Что такое?

«Я, наверное, ещё сплю, — подумала она. — Или нет? Или сплю? Сплю и пою? Или это не я пою?» Ушипнула себя за крыло. Больно-пребольно. «Ой!

ПЕСНЯ ВОРОНЫ

Нет, не сплю. Что ж это такое?» Наклонила голову ворона, прислушалась. Так и есть. Поет кто-то. И совсем рядышком, ну прямо под носом, под клювом, то есть. Поглядела налево — никого. Направо... «Ах, так вот это кто мне спать не дает! Ну и мальвка! И вида-то никакого! Тоже мне птица! А поёт-то, поёт... Нет, впрочем, поёт хорошо. Ах, как же хорошо поёт!» И ворона заслушалась. И голову набок склонила. Хороша песня! Как только певец песню закончил, ворона к нему на ветку слетела, перья топорщит и важно так спрашивает:

— Пр-ростите, милейший, не позвольте ли Вам вырр-разить свой восторрр и прр-признательность за столь великолепное пение?

— Спасибо, — скромно ответил певец.

— Вот только не пр-разобрала, о чем это Вы, наичудеснейший, пели.

— Я пел песню славы и любви к моему Создателю.

— Прр-рекрасно, похвально. Я бы тоже хотела петь песню хвалы Создателю. Не будете ли Вы так любезны научить меня. Пррростите, не ведаю Вашего имени-отчества.

— Соловей. Солист лесных и разных хоров.

— Меня все зовут Ворроной. Будем знакомы.

— Очень приятно.

— Так когда мы начнем наши вокальные упражнения?

— Зачем откладывать в долгий ящик, давайте попробуем прямо сейчас, — сказал Соловей.

И они стали упражняться. Соловей поёт, а ворона каркает, соловей свистит, а ворона каркает, он треплюз заливается, а она карканьем. Так промучился бедняга учитель до самого вечера, да видит: нет никакого толка. Не выйдет из вороны певицы. Но как ты это ей объяснишь? Вот беда так беда! Распрощались они до утра, договорившись назавтра продолжить занятия. Заснула ворона. Спит и во сне поёт. А соловушка бедный опустил головушку — всё думает, как вороне объяснить, что петь она не может. Так ничего и не придумал. Наконец наступило утро. Солнышко ясное выглянуло из-за верхушек елей и осветило всю землю своим тёплым ласковым светом. Проснулась наша ворона. Расправила крылья, лапки по очереди вытянула и как запоёт! Воробы, что на той же берёзке спали, так и посыпались с перепугу вниз. «Ишь ты, как им моя песня полюбилася», подумала ворона.

— Всё, конец учебе! Петь буду, — сказала она соловью. А тот так обрадовался, что и спорить не стал, быстрышко улетел восьсяси.

И ворона запела. Но это она только думала, что пела, на самом деле она всего-навсего только каркала.

— Гм... Кхе, кхе... — послышалось откуда-то сверху.

Ворона голову подняла и увидела филина.

— А, это Вы? Вы прилетели послушать мои песни?

— Нет, дорогая, я уже слышал ваши вокальные упражнения.

— И они вам понр-равились? Не пррправда ли, я недурр-рою пою?

— Вы не поёте, дорогая, а каркаете. Смею Вас заверить, что для вороны, каркаете Вы довольно хорошо.

— Как!!! Я так стэрр-ралась! Я училась у лучшего вокалиста!

(Окончание в следующем номере)

Редакционная коллегия:

игумения Антония - настоятельница Иверского женского монастыря; монахиня Мариамна, посл. Татиана, И. Мурзинова.
По всем вопросам просим обращаться по адресу: 607060, г. Выкса Нижегородской обл., ул. Краснофлотская, 58.
Контактные телефоны: 6-06-14; 3-22-41. "Листок" сверстан и отпечатан в ООО "Полиграфист". Заказ 21985, тираж 999